

На правах рукописи

ПИЧХАДЗЕ АННА АБРАМОВНА

Языковые особенности переводных
памятников письменности XI-XIII вв.,
содержащих восточнославянские
лексические элементы

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2011

Работа выполнена в отделе лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Учреждения Российской академии наук «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Евгений Германович Водолазкин,
ведущий научный сотрудник Учреждения
Российской академии наук «Институт
русской литературы (Пушкинский дом) РАН»

доктор филологических наук
Кирилл Александрович Максимович,
ведущий научный сотрудник Учреждения
Российской академии наук «Институт
русского языка им. В.В. Виноградова РАН»

доктор филологических наук
Татьяна Викторовна Пентковская,
доцент кафедры русского языка
филологического факультета ФГОУ ВПО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация:

Учреждение Российской академии наук
«Институт славяноведения РАН»

Защита состоится 15 декабря 2011 г. на заседании диссертационного совета Д 002.008.01 при Учреждении Российской академии наук «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН» по адресу: 119019, Волхонка 18/2, конференцзал.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Учреждения Российской академии наук «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН».

Автореферат разослан 11 ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено вопросу о переводческой деятельности в домонгольской Руси и возникновении переводных памятников письменности, содержащих лексические русизмы, т. е. слова, употребительные у восточных славян и не известные южным славянам.

Предметом исследования послужили переводные тексты (около 30-ти), в которых отмечены лексические русизмы. Наиболее подробно исследуются памятники, переведенные с греческого, привлекаются также данные переводов с еврейского. Работа выполнена на **материале** электронных баз данных, изданий памятников, лексикографических и лексикологических источников.

Целью исследования является: 1) выделение лингвистических параметров для характеристики переводных текстов; 2) осуществление группировки славянских переводов, содержащих лексические русизмы; 3) разработка критериев оценки исконности русизмов в церковнославянских текстах; 4) характеристика переводческой деятельности в Древней Руси, в частности определение корпуса текстов, которые могут быть атрибутированы непосредственно восточнославянским переводчикам.

Актуальность работы связана с острой дискуссионностью вопроса о существовании древнерусских переводов. Подавляющее большинство переводных памятников в древности возникло у южных славян, и сама возможность переводческой деятельности в Древней Руси многими авторами ставится под сомнение. Главным аргументом служит ссылка на незнание носителями восточнославянских диалектов книжного греческого языка. Надежные исторические свидетельства о выполнении переводов восточнославянскими книжниками отсутствуют. В этих условиях возможность или невозможность переводческой деятельности на Руси может быть обоснована исключительно на основе лингвистических данных. В последнее десятилетие появился ряд критических изданий церковнославянских переводных текстов, содержащих русизмы, а в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН были разработаны базы данных по переводным текстам, позволяющие получить полную лексическую и грамматическую информацию о памятнике. Это позволяет по-новому подойти к вопросу о древнерусских переводах.

Новизна работы заключается как в использовании новых методов, так и в получении новых результатов. Помимо традиционных **методов** филологического анализа в работе было применено сплошное сопоставление словников изучаемых текстов. Это позволило существенно расширить набор признаков, релевантных для характеристики языковых особенностей памятников славянской письменности. Если традиционный анализ опирался в основном на редкие («яркие») слова, то доступные в настоящее время данные позволяют сопоставлять не только редкую, но и частотную лексику, что значительно повышает надежность результатов. В ходе исследования выяснилось, что чрезвычайно важны для анализа служебные слова (на которые раньше обращалось мало внимания) – в силу их высокой частотности и употребительности в текстах разных жанров и разной тематики. При сплошном сопоставлении словников оказалось, что отсутствие лексем, частотных в других текстах, должно учитываться в качестве такой же важной характеристики памятника, как и наличие диагностирующей лексики. Осуществление группировки переводных памятников на основе выделенных параметров послужило новым инструментом дальнейшего исследования и средством, обеспечивающим возможность системного анализа: наблюдения, сделанные на материале одного текста, проверялись на материале текстов, принадлежащих к той же группе, за счет чего повышалась их надежность, а явлениям, зарегистрированным в нескольких текстах одной группы (например, русизмам), приписывался статус аутентичных.

Основные **новые результаты** исследования сводятся к значительному расширению набора лингвистических параметров, существенных для характеристики переводных текстов; осуществление группировки славянских переводов, содержащих лексические русизмы, позволившее обнаружить новые доказательства исконности русизмов в переводных памятниках XI–XIII вв.; воссоздание (хотя бы в самых общих чертах) целостной картины переводческой деятельности в Древней Руси.

Теоретическая значимость работы определяется содержащимся в ней обоснованием наличия восточнославянских переводов и существования в Древней Руси нескольких переводческих направлений; доказательством возможности исконного сосуществования в церковнославянском тексте специфически южнославянских и специфически восточнославянских языковых черт; анализом функционирования церковнославянского языка на Руси, его

вариативности и его разновидностей, отразившихся в переводных памятниках письменности.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в курсах истории русского литературного языка, лингвистического источниковедения и при составлении словарей и грамматик древнерусского и церковнославянского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лишь очень небольшая часть переводов с лексическими русизмами не содержит лексических южнославянизмов (т. е. слов, не освоенных древнерусским языком и не встречающихся в оригинальных древнерусских текстах) и может быть атрибутирована восточнославянским переводчикам. К этой группе относятся переводы Жития Василия Нового, Александрии, Жития Андрея Юродивого, Пчелы, Истории Иудейской войны, а также Повести об Акире Премудром и цикл из шести Чудес Николая Мирликийского – если два последних текста действительно представляют собой переводы, а не переработки переводных текстов. К этой группе примыкает Студийский устав, почти не содержащий лексических южнославянизмов, но отличающийся от восточнославянских переводов по характеру перевода и обнаруживающий сходство переводческих приемов и языковых особенностей с Ефремовской кормчей.

2. В этой группе памятников отчетливо выделяются две подгруппы: 1) Александрия, Житие Андрея Юродивого и Повесть об Акире Премудром, 2) Пчела и История Иудейской войны. Различие между двумя подгруппами проявляется как в особенностях переводческих приемов, так и на всех языковых уровнях. Выделение внутри восточнославянской группы двух подгрупп, систематически различающихся по целому комплексу языковых параметров, позволяет утверждать, что в Древней Руси существовали направления, которые вырабатывали свои переводческие навыки и устойчивые языковые предпочтения. Одна из этих подгрупп – Пчела и История Иудейской войны – воспроизводит более стандартную разновидность церковнославянского языка, другая – Александрия, Житие Андрея Юродивого и Повесть об Акире – предпочитает менее распространенные, а иногда и очень редкие языковые средства.

3. Подавляющее большинство среди переводов с восточнославянской лексикой составляют памятники с сочетанием южнославянизмов и русизмов. По всей вероятности, они созданы носителями южнославянских диалектов. В то

же время существуют надежные свидетельства в пользу исконности русизмов в некоторых из них. Присутствие восточнославянской лексики указывает на то, что южнославянские переводчики работали с учетом и под влиянием восточнославянского языкового узуса. Вопрос о том, принимали ли участие в переводе этих памятников древнерусские книжники, остается открытым. Характерной чертой переводов, в которых восточнославянская лексика соседствует с южнославянской, является обилие ошибок в передаче греческого текста; иногда переводчики вовсе не справлялись со своей задачей (Огласительные поучения Феодора Студита). Синтаксис этих переводов темен, синтаксические конструкции часто нарушаются. По своему качеству переводы, содержащие южнославянизмы и русизмы, как правило, уступают как южнославянским переводам эпохи Первого Болгарского царства, так и восточнославянским переводам.

4. Среди памятников, содержащих лексические южнославянизмы наряду с русизмами, также выделяется несколько подгрупп. Наиболее ранняя включает Хронику Георгия Амартола, переведенную не ранее 963 г. и не позже второй половины XI в., и близкие к ней по языку произведения. В языковом отношении тексты этой подгруппы близки гимнографическим произведениям учеников Кирилла и Мефодия. Веком позже, на рубеже XI-XII вв. возникла подгруппа толковых переводов: Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, Толковый Апостол, Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова и др. Между толковыми переводами и подгруппой Хроники Георгия Амартола существует отдаленное языковое сходство, однако толковые переводы не разделяют многих ярких особенностей подгруппы Хроники Георгия Амартола, в том числе тех, что сближают ее с древнейшей славянской гимнографией. Особняком среди памятников, содержащих лексические южнославянизмы наряду с русизмами, стоят Пандекты Никона Черногорца, возникшие не раньше конца XI в.

5. Ни один из памятников, содержащих лексические русизмы, не может быть сколько-нибудь уверенно датирован временем до византийского завоевания Первого Болгарского царства. Таким образом, возникновение переводов с восточнославянскими элементами в лексике – по крайней мере датированных – совпадает по времени с эпохой, когда, с одной стороны, восточноболгарские книжные центры прекращают свою деятельность, а с другой стороны, зарождается книжность у восточных славян.

6. Важная особенность переводов с лексическими русизмами состоит в том, что они или вовсе не содержат южнославянизмов, или содержат южнославянизмы, характерные для западных областей южнославянского ареала и не свойственные восточноболгарской книжности. Это обстоятельство хорошо согласуется с относительно поздней датировкой: после падения Преслава переводческая деятельность на Руси могла осуществляться, по-видимому, носителями западноболгарских книжных традиций или же самими восточнославянскими книжниками. В то же время преславская лексика в переводах, содержащих лексические южнославянизмы наряду с русизмами, имеется, поскольку её усвоение началось очень рано.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения работы неоднократно обсуждались на заседаниях отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, на семинаре по истории русского языка и культуры (ИРЯ РАН), международных конференциях в ИРЯ РАН, Санкт-Петербургском государственном университете, Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме), на XII Международном съезде славистов (Краков, Польша) и XIV Международном съезде славистов (Охрид, Македония).

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, шести глав, в которых дается обзор переводных памятников с лексическими русизмами; предварительная группировка памятников; анализ лексических русизмов, способов перевода греческой лексики, словоупотребления и грамматических особенностей переводов; Заключение, библиографии и словоуказателя.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертации кратко рассматривается история вопроса о переводах в домонгольской Руси, в разработку которого внесли вклад И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, В. М. Истрин, Н. А. Мещерский и другие ученые. Подчеркивается, что количество переводных памятников, содержащих восточнославянские элементы в лексике, очень невелико. То обстоятельство, что в ряду многочисленных церковнославянских переводов ранней поры тексты с восточнославянской лексикой являются редкостью, имеет принципиальное значение: оно доказывает, что русизмы не попадали в текст стихийно при переписывании. На Руси в течение столетий переписывалось огромное число текстов южнославянского происхождения, в

которых не обнаружено ни одной специфически восточнославянской лексемы. Поэтому в тех случаях, когда наличие восточнославянской лексики в церковнославянском памятнике подтверждается его текстологической традицией, русизмы следует приписывать переводчику или редактору. Однако внесение лексических русизмов в ходе редактуры наблюдается только при включении текстов в сборники; надежные свидетельства в пользу лексической русификации редакторами отдельных произведений отсутствуют. Поэтому нет причин ставить под сомнение лексические русизмы в тех немногих переводных памятниках, где они встречаются.

Тем не менее в конце XX в. среди зарубежных ученых распространилось мнение, что русизмы в переводных памятниках вторичны, что восточные славяне не владели письменным греческим и не могли заниматься переводческой деятельностью. Сомнения по поводу исконности русизмов в переводных текстах заставляют вернуться к оценке лексического критерия в определении происхождения памятников письменности.

По-новому подойти к вопросу о русизмах в переводных памятниках позволяют не только данные, полученные современным источниковедением, исторической лексикологией и лексикографией, но и ставшая возможной благодаря использованию словоуказателей и электронных ресурсов группировка переводных памятников, содержащих восточнославянские элементы в лексике. Задача группировки текстов по их языковым особенностям, а также по особенностям перевода является центральной для настоящей диссертации. Исконность русизмов в переводных текстах получает подтверждение благодаря группировке памятников, поскольку наличие одинаковых русизмов в текстах, сходных по переводческим приемам и языковым особенностям доказывает, что русизмы проникли в них не при переписке, но присутствовали в первоначальном переводе. Выявление групп переводов с лексическими русизмами принципиально, поскольку теперь вопрос о восточнославянском происхождении может быть поставлен по отношению не к отдельному памятнику, а ко всей группе, к которой он принадлежит, если группа представлена более чем одним памятником. Цель диссертации состоит прежде всего в преодолении «атомистического» подхода к изучению переводных памятников, т. е. исследования каждого памятника в отдельности, вне сопоставления с другими текстами. Группировка памятников открывает путь к решению вопроса о существовании переводческих школ на Руси.

В первой главе диссертации приводится перечень переводных памятников, в которых фиксируются лексические русизмы. В него включены памятники, в которых русизмы фиксировались предшествующими исследователями, и произведения, в которых ранее русизмы не отмечались. Дается краткая характеристика каждого памятника с указанием содержащихся в нем русизмов и южнославянизмов, т.е. слов, не освоенных или плохо освоенных оригинальной древнерусской письменностью. Перечисляются все случаи, когда исконность русизмов может быть доказана при помощи сопоставления перевода с оригиналом. Такие случаи единичны, и все они встречаются в переводах с многочисленными бесспорными южнославянизмами – Ефремовской кормчей, Житии Феодора Студита, Повести о Варлааме и Иоасафе, Прологе (Синаксаре) и Пандектах Никона Черногорца.

В Ефремовской кормчей неоднократно употребляются русизмы **зядьница** ‘наследство’, **тиоунъ** ‘управитель’ и производное от него **тиоунство**. Термин **зядьница** в Ефремовской кормчей всегда соответствует греч. *λεγάτον*, в отличие от термина **причастие**, которым переводится греч. *κληρονομία*. Распределение славянских терминов в строгом соответствии с греческими свидетельствует о том, что именно переводчик использовал восточнославянский термин, чтобы обозначить с его помощью особый вид наследства (получаемого, в отсутствие завещания, по закону – *λεγάτον*) и отличить его от наследства по завещанию, обозначенного церковнославянским термином. Термины **тиоунъ** и **тиоунство** тоже применяются для передачи определенного греческого термина: **тиоунъ** соответствует греческому *κουράτωρ*, а **тиоунство** – греческому *κουρατορία*, которое обозначает особый (корпоративный, в отличие от родственного) вид опеки. Вероятно, не случайно русизмы появились в переводе в соответствии с терминами, заимствованными в греческий из латыни и не имевшими церковнославянской традиции перевода.

Один из переводчиков Жития Феодора Студита последовательно передает греческое *τότε* как **тъгда**, а *τηνικαῦτα* – только как **въ то чина**. Специфически восточнославянское сочетание **въ то чина** выступает кроме того в качестве эквивалента греческого *παραυτίχα* и *παραχοῦμα*. Таким образом, русизм **въ то чина** должен быть признан исконным: вторичное внесение его в текст было бы возможно только при исправлении перевода по греческому оригиналу. Другой русизм Жития Феодора Студита – слово **акно** – также принадлежит

переводчику. Оно очень точно переводит греч. δῆθεν ‘словно, якобы’: **самъ же акно пыша гавлагаста ѿ троуда** ‘а сам делая вид, что он будто бы запыхался от усилий’ 124 об.8. Трудно представить себе, чтобы **акно** появилось в результате вторичной замены на месте стандартного **как** или какого-то другого слова, потому что **акно**, с одной стороны, представляет собой большой раритет и не зафиксировано ни в одном другом переводном памятнике, а с другой – слишком точно соответствует контексту, чтобы его можно было ввести без сверки с греческим оригиналом.

В Повести о Варлааме и Иоасафе русизм **волога** ‘лакомое блюдо’ ошибочно употреблен в цитате из Послания к римлянам VI 23 в соответствии с греч. ὀψώνια ‘награда, возмездие’, которое переводчик смешал со словом ὀψώνια ‘лакомое блюдо’ (оба слова в византийскую эпоху произносились одинаково): **ибо волога грѣховнага смѣртъ**. Очевидно, что ошибка возникла в первоначальном переводе: её не мог привнести редактор, потому что она лишает апостольскую цитату смысла. В позднейшей южнославянской версии Повести о Варлааме и Иоасафе здесь читается **ѡброци бо грѣховнѣи смѣртъ** в соответствии с греч. τὰ γὰρ ὀψώνια τῆς ἁμαρτίας θάνατος, ‘возмездие за грехи — смерть’.

Один из русизмов Пролога (Синаксаря) бесспорно принадлежит переводчику: прилагательное **глазатын** в форме мн. ч. соответствует греческому названию племени βλέμνες, которое переводчик производил от греч. βλέμια ‘взгляд’.

В Пандектах Никона Черногорца в пассаже, где речь идет об избииении ремнем или палкой, переводчик передал форму орудийного падежа ‘ιμάντι от существительного ‘ιμάς ‘ремень’ как **мѣтъль** ‘верхнее платье’, – вероятно, основываясь на звуковом сходстве древнерусского заимствования из германского с греческим словом.

Таким образом, уже в обзоре памятников фиксируется проблема сосуществования в некоторых переводах несомненных русизмов с несомненными южнославянизмами.

Во **второй главе** делается попытка предварительной группировки памятников, перечисленных в первой главе. По языковым особенностям все переводы с еврейского сходны между собой и образуют единую группу. Переводы с греческого, во много раз превосходящие переводы с еврейского по

числу и объему произведений, гораздо более разнообразны. Их группировке посвящена эта глава. Для сопоставления переводов привлекалась лексика, наличие или отсутствие которой в тексте в минимальной степени зависит от тематики и других экстралингвистических факторов. В наибольшей степени целям группировки отвечают слова, которые, будучи широко распространенными и частотными, в то же время обладают дифференцирующей силой и являются общеизвестными, но не общеупотребительными (лучше всего для этих целей подходят служебные слова).

Анализируемые тексты разделились на две группы. Для первой группы, в которую входят Хроника Георгия Амартола, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Христианская топография, Пандекты Никона Черногорца и Толковое Евангелие, в целом характерно почти исключительное употребление послелога **ради**, высокая частотность глаголов **вѣща(ва)ти** и **досадити** и их производных, существительного **скѣрвь** и прилагательного **скѣрвьнѣ**, довольно активное использование глаголов **(не)пыщевати** и **томити**; словам **сѣвѣдѣтель** и **шоуни** и их производным в I группе отдается явное предпочтение перед синонимами **послоухѣ** и **лѣвыи** и их производными, а союз **акы** ‘как, будто, словно’ употребляется очень редко (в текстах I группы в этом значении регулярно выступает **яко**). Слова **изноурити**, **оунырити** ‘израсходовать; украсть’, **неизноуренѣ**, **неизноуримѣ** ‘такой, который невозможно израсходовать или украсть’ и слова с корнем **мьчѣт-** известны только памятникам I группы.

Отличительную черту I группы составляет сохранение некоторых специфических особенностей кирилло-мефодиевского лексикона. В этом отношении тексты I группы сходны с древнейшими произведениями славянской гимнографии, создание которой связано с деятельностью учеников Кирилла и Мефодия. Однако лексикон этих переводов, несмотря на свою консервативность, не идентичен кирилло-мефодиевскому; подобно гимнографическим текстам, он включает лексемы, получившие распространение позднее, в том числе и некоторые лексемы, характерные для преславской книжности. Это неудивительно, поскольку в хронологическом отношении памятники I группы отстоят от кирилло-мефодиевской эпохи довольно далеко. Другая черта, отличающая памятники I группы, состоит в том, что они содержат заметное количество южнославянизмов – слов, не

встречающихся или редко встречающихся в восточнославянских оригинальных текстах.

Во вторую группу входят Александрия, Житие Андрея Юродивого, Повесть об Акире Премудром, Чудеса Николы, Студийский устав, Пчела и История Иудейской войны. В этих памятниках активно употребляются послелог **дѣла**, союз **акы**, существительное **послоухъ** и его производные, прилагательное **лѣвыи** встречается чаще, чем **шоуни**, очень редко фиксируются слова **скръвь** и **скръвьнъ** (вместо них используются синонимы **печаль**, **печальнъ**), а **вѣща(ва)ти**, **(не)пъщевати** ‘думать, полагать’, **досадити**, **томити** с их производными почти не отмечены. По распределению послелогов **ради** — **дѣла** в этой группе выделяются две подгруппы: в Александрии и Житии Андрея Юродивого преобладает (или господствует) **дѣла**, в остальных памятниках — **ради** (в Повести об Акире оба послелога одинаково употребительны, но ввиду низкой частотности статистика не вполне надежна).

Нетрудно заметить, что большинство лексем, употребительных в первой группе и неупотребительных во второй, отличают кирилло-мефодиевские тексты от позднейших, в первую очередь преславских (восточноболгарских). В древнейших редакциях Евангелия, Апостола и Псалтыри зафиксированы только **ради**, **тако**, **свѣдѣтель**, **шоуни**, в преславских редакциях они более или менее последовательно заменяются на **дѣла**, **акы**, **послоухъ**, **лѣвыи**; в кирилло-мефодиевских переводах **скръвь** употребляется наряду с **печаль**, а **досадити** наряду с **(оу)корити**, но в преславских редакциях **печаль** вытесняет **скръвь**, а **досадити** заменяется на **(оу)корити**. Однако по всем этим позициям словоупотребление преславских памятников совпадает с древнерусским узусом. В самом деле, как свидетельствуют летописи и новгородские берестяные грамоты, исконным восточнославянским послелогом был **дѣла**, а **ради** являлся церковнославянизмом. Союз **акы** широко распространен в древнерусских летописях и зафиксирован в берестяных грамотах, равно как и термин **послоухъ** (судя по всему, его синоним **свѣдѣтель** следует признать церковнославянизмом). Прилагательное **лѣвыи** отмечено во всех древнерусских летописях. Древнерусскому узусу было свойственно **(оу)корити**, а **досадити** — чуждо. О том, что восточнославянские книжники предпочитали существительное **печаль** синониму **скръвь**, говорят данные древнерусских летописей.

Таким образом, многие лексические предпочтения II группы, отличающие ее от первой, характерны как для восточноболгарского, так и для древнерусского узуса. Предполагать восточноболгарское происхождение памятников II группы нет оснований: в них практически отсутствуют южнославянизмы, а русизмы, напротив, многочисленны и тематически разнообразны. Эти переводы осуществлялись восточнославянскими переводчиками, о чем лишний раз свидетельствуют отклонения от кирилло-мефодиевского словоупотребления в сторону древнерусского узуса, оправданные благодаря его совпадению с восточноболгарским. Восточноболгарская книжность, чрезвычайно популярная на Руси, своим авторитетом поддерживала включение в текст древнерусских элементов, чуждых кирилло-мефодиевскому лексикону.

Обе выделенные группы неоднородны и подразделяются на подгруппы. В рамках I группы выделяется подгруппа Хроники Георгия Амартола и подгруппа толковых переводов, в которую входят и Беседы на Шестоднев Севериана Гавальского.

Хроника Георгия Амартола выделяется из всего корпуса переводов с лексическими русизмами весьма архаичным языком. По особенностям словоупотребления к ней примыкают несколько памятников, образующих вместе с Хроникой компактную группу: Повесть о Варлааме и Иоасафе, Христианская топография Козьмы Индикоплова, Мучение Артемия и Слово Нектария, архиепископа Константинопольского, о праздновании великомученику Феодору Тирону. Хронику Георгия Амартола и Повесть о Варлааме и Иоасафе объединяет употребление слов **гърныльствовати** 'отливать в печи', **обьдо** 'дорогое одеяние, порфира', **троутъ** 'войско', **завадити (заповадити)** 'запрячь', **омрачьныи** 'мрачный', **мракота**, **прѣкостъ** 'противодействие', **прѣчитисѧ** 'спорить, сопротивляться', основы **ино** в значении 'тот же самый' в сложных словах (**инонравьнъ** 'имеющий такой же нрав', **инопогасьць** 'имеющий такой же пояс', **иносельникъ** 'сосед', **инодоушьно** 'на одном дыхании' и т.п.), сочетания **извъртѣти очи** 'выколоть глаза'. Оба памятника близки в языковом отношении Мучению Артемия: во всех трех переводах частотными являются слова **бъшию** 'совершенно', **вьсьма** 'совершенно', **вѣщати** и производные, **изѧщнъ** 'замечательный, выдающийся', **искрь** 'рядом, близ', многочисленные производные от **истовъ**

‘истинный, точный, достоверный’, **поустошь** ‘суетность, ложность’ (и производные: **поустошьный** ‘суетный, ложный’, **поустошьство** ‘суетность, ложность’ и др.), **томитель** ‘мучитель’, **томленик** ‘мучение’. Из менее частотных, но показательных общих лексем обращают на себя внимание **вънѣтисѧ / въниматисѧ** ‘вникнуть, понять, постичь смысл’, **крѣхъть** ‘крошка, малая часть’, название колючего растения **котыникъ**, а также **чиститель** (**честитель**) ‘священнослужитель’ в Повести о Варлааме и Иоасафе, **чистительство** — ‘священство’ в Хронике Георгия Амартола и ‘священодейство, ἱεροουγία’ в Мучении Артемия. Из лексических схождений Мучения Артемия и Хроники Георгия Амартола значимы **прѣполовитисѧ** ‘достичь середины’, **гѣдовабль** ‘шелк’, **блѣзньнаѧ звѣзда** ‘планета’ в Хронике и **блѣзньникъ** ‘планета’ в Мучении Артемия. Христианская топография Козьмы Индикоплова также близка к Хронике Георгия Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе; здесь употребляются такие характерные для рассматриваемой подгруппы слова, как наречие **вьсьма**, причастие-прилагательное **изѣщении** ‘выдающийся, исключительный’, **истовыи**, **окроугъ**, **поустошь**, **прѣполовлати**, междометие **оле**. К этой же подгруппе, по-видимому, можно причислить и Слово Нектария, где кроме уже упомянутого выражения **очесъ изъвертѣньѧ** встречается причастие-прилагательное **изѣщении** ‘выдающийся, исключительный’, междометие **оле**, а также прилагательное **боголюбъзьныи**, зафиксированное в Хронике Георгия Амартола.

Памятники подгруппы Хроники Георгия Амартола демонстрируют систематическое языковое сходство с произведениями древней славянской гимнографии. Из грамматических черт, объединяющих Хронику Амартола с гимнографическими текстами, необходимо прежде всего указать такой архаизм, как формы асигматического аориста – типа 3 лица мн. числа **ѡбрѣтоу(сѧ)**, а с другой стороны – такую инновацию, как окончание **-ми** в творительном падеже мн. числа существительных *о-склонения и согласного склонения (**грѣхъми**, **глаголъми** и т. д.). К общим словообразовательным архаизмам относится большая продуктивность именного суффикса **-ствикъ**, к инновациям – широкая употребительность глагольного суффикса – **ова-/-ева-** (**ѡсвѣтъловати**, **просвѣтовати**, **искореневати** и т. п.). Весьма многочисленны лексические схождения подгруппы Хроники Георгия Амартола и гимнографических

произведений: **искрь** ‘рядом, близко’, **область** ‘власть’, **коварьство** в лишенном пейоративного оттенка значении ‘ловкость, умение’, **прапрждъ / прапржда** ‘багряница’; **балин** ‘врач’, **бальство** ‘снадобье’, **оубальствовати** ‘вылечить’ и др. производные; **въ рѣснъ** ‘поистине’, **оурѣснити (оурѣшнати)** ‘утвердить, удостоверить’, **тржтъ** ‘военный отряд; сонм’, **изноурити** ‘украсть’ и его многочисленные производные; **оукромик** ‘край, предел’, **оукромьнъ** ‘крайний, предельный, чрезвычайный’ и т. п., сложные слова с основой **ино-** ‘тот же самый’ и грецизм **метарси** ‘вознесенный ввысь; отрешенный’.

Таким образом, можно констатировать систематическое и нетривиальное языковое сходство переводов подгруппы Хроники Георгия Амартола с гимнографическими памятниками и произведениями учеников Кирилла и Мефодия. К числу сходных черт принадлежат как архаизмы, так и инновации, что свидетельствует о генетической близости этих текстов. Они содержат немало архаичных языковых элементов, распространенных прежде всего на западе южнославянского ареала. Единственным регионом, где эти элементы могли сохранять свою актуальность в конце X — начале XI в. (греческий оригинал Хроники возник не раньше 963 г.), была Македония. Разумеется, в переводах подгруппы Хроники Георгия Амартола и гимнографических текстах наличествуют и некоторые восточноболгарские языковые элементы, однако это не удивительно: взаимопроникновение западно- и восточноболгарских элементов началось очень рано и наблюдается уже у ближайших последователей славянских первоучителей.

Лексика, характерная для Хроники Георгия Амартола, Повести о Варлааме и Иоасафе и Мучения Артемия, употребляется и в Христианской топографии Козьмы Индикоплова, но менее последовательно, а некоторые лексеммы используются лишь спорадически или не используются вовсе. Среди переводов I группы Христианская топография — памятник, наиболее близкий текстам II группы, т. е. в наибольшей степени отклоняющийся в сторону древнерусского узуса. Создается впечатление угасания традиции, стирания ее ярких признаков. Памятник, видимо, отражает эволюцию старой переводческой традиции под восточнославянским влиянием.

В толковых переводах также встречается архаичная лексика, свойственная гимнографическим текстам, однако в памятниках подгруппы Хроники Георгия Амартола — особенно в самой Хронике — эти слова частотны, а в толковых

переводах встречаются лишь спорадически, возможно, как дань старой книжной традиции. Толковые переводы отличаются от подгруппы Хроники Георгия Амартола употреблением слов **кычитиса**, **оплазньство**, **прѣзорьство** и их производных, обозначающих проявления заносчивости и надменности и характерных для восточноболгарских текстов начала X в. Довольно часто встречается в толковых переводах причастие от основы **БОУД-** со значением не будущего, но настоящего времени (сохранившимся у современного русского деепричастия *будучи*). Интересная общая особенность Толкового Евангелия, Толкований на послания ап. Павла и Толкований Никиты Ираклийского состоит в том, что греческое прилагательное $\psi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ 'голый', если оно употребляется в сочетании $\psi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$ 'нагой человек', обозначающем земную ипостась Бога, переводится как **высокий**, т. е. так, как если бы в оригинале читалось $\upsilon\psi\eta\lambda\omicron\varsigma$ 'высокий'. Толковое Евангелие и Песнь песней с Толкованиями объединяет перевод греческой частицы $\delta\eta\theta\epsilon\nu$ 'уж конечно (в ироническом употреблении); якобы' наречием **зълѣ**. Беседы на Шестоднев Севериана Гавальского, насколько позволяет судить небольшой объем памятника, ближе всего к толковым переводам.

Пандекты Никона Черногорца занимают особое положение среди памятников I группы. Пандекты сближает с Хроникой Георгия Амартола, Повестью о Варлааме и Иоасафе и Христианской топографией употребление слова **къзнь** в характерном для южнославянских текстов значении 'умение, ремесло, искусство, способ, уловка', часто без пейоративного оттенка. В то же время в Пандектах не отмечены некоторые слова, характерные для подгруппы Хроники Георгия Амартола и толковых переводов (**вьсьма**, **искрь**, **окроугъ**, **оле**, **поустошь** и производные, **етеръ** в значении 'другой').

В рамках II группы отчетливо выделяются две подгруппы: в первую входят Александрия, Житие Андрея Юродивого и Повесть об Акире Премудром, во вторую — Пчела и История Иудейской войны. Подробно лингвистические особенности II группы анализируются в гл. IV-VI. Студийский устав занимает особое положение по отношению к остальным памятникам II группы, выделяясь наличием ярких южнославянизмов (хотя и не таких многочисленных, как в памятниках I группы) и буквалистической манерой перевода. Видимо, эти особенности объясняются непосредственной зависимостью от южнославянской традиции – возможно, той, в русле которой

создавался перевод Ефремовской кормчей, входящей в I группу. К наиболее показательным схождениям Студийского устава с Ефремовской кормчей относятся **причьтъ**, **причьтаник**, **причьтеник** – все со значением ‘решение, принятое голосованием’, **полоучан** ‘случай’, **выкнуѣти** ‘привыкать’, **годѣ** ‘решено, принято’, **първѣк** ‘раньше, прежде’, **ключарь** ‘ключник’.

Третья глава содержит перечень лексических русизмов, зафиксированных в переводных текстах. В ходе исследования обнаружилось, что в употреблении русизмов в разных переводных памятниках существуют различия. Распределение русизмов, встретившихся более чем в одном памятнике, позволило выделить группы текстов и отметить свойственные им особенности. Чрезвычайно рельефную группировку позволил произвести анализ употребления служебных слов – союзов и предлогов-наречий. Выяснилось, что характерные для восточнославянских текстов предлоги и союзы (**али** ‘или’, **оли** ‘вплоть до’, **ати** / **атъ** ‘чтобы’, **оуне** ‘по поводу’, **оже** ‘если’ и т. п.) употребляются главным образом в переводах II группы, в которых отсутствуют южнославянизмы и не ощущается следование определенным южнославянским переводческим традициям и которые с наибольшей вероятностью можно атрибутировать восточнославянским книжникам. Они отсутствуют в Студийском уставе, их почти нет в памятниках I группы. Можно констатировать, что именно употреблением специфически восточнославянских служебных слов в первую очередь выделяются переводы, выполненные носителями восточнославянских диалектов.

Самый большой набор восточнославянских союзов и предлогов представлен в Истории Иудейской войны. По количеству соответствующих лексических единиц История Иудейской войны, Пчела и переводы с еврейского ощутимо превосходят Александрию, Житие Андрея Юродивого и Повесть об Акире Премудром, хотя частотность отдельных лексем в Александрии и Житии Андрея Юродивого может оказаться выше, чем в Пчеле и Истории Иудейской войны.

Эту группировку подтверждают результаты сопоставления полнозначных восточнославянских лексем, употребительных в текстах разной тематики. Наибольшая концентрация этих слов характеризует переводы, выполненные восточнославянскими книжниками, в особенности – Пчелу и Историю Иудейской войны. В памятниках подгруппы Хроники Георгия Амартола (особенно в Повести о Варлааме и Иоасафе) и Студийском уставе они редки.

Разница между подгруппой Хроники Георгия Амартола и собственно древнерусскими переводами сказывается и в соотносительной частотности употребления русизмов и их церковнославянских синонимов: в Хронике Амартола господствует церковнославянизм **попърище**, в Христианской топографии он употребляется на равных с русизмом **вьрста**, а в собственно восточнославянских переводах представлен исключительно русизм **вьрста**; другой русизм – глагол **пъртити** – встречается в Хронике Георгия Амартола всего один раз, а в Пчеле, в несколько раз уступающей Хронике по объему, и совсем небольшой Повести об Акире этот глагол и его производные употребляются неоднократно, и т.п. Из памятников I группы самую высокую частотность русизмов показывают Пандекты Никона Черногорца.

Как и в случае со служебными словами, набор однозначных русизмов в Пчеле и Истории Иудейской войны больше, чем в Александрии, Житии Андрея Юродивого и Повести об Акире, хотя по последовательности употребления отдельных лексем Александрия и Житие Андрея Юродивого могут превосходить Пчелу и Историю Иудейской войны.

Анализ материала показал, что одни и те же русизмы часто употребляются в памятниках, имеющих и другие сходные особенности – как в словоупотреблении и грамматике, так и в передаче одних и тех же греческих лексем. По употреблению русизмов переводы, содержащие специфически южнославянскую лексику, отличаются от переводов, в которых ее нет. Помимо использования специфически восточнославянских союзов и предлогов-наречий характерной чертой переводов II группы, лишенных южнославянизмов, является более широкое по сравнению с I группой употребление русизмов, обозначающих не реалии, а отвлеченные понятия и действия. Таким образом, наличие в переводе южнославянизмов коррелирует не только с количеством русизмов, но и с их характером: чем меньше ощущается в переводе связь с южнославянскими книжными традициями, тем шире сфера употребления русизмов. В переводах I группы русизмы появляются отчасти вынужденно, когда нужно назвать ту или иную реалию так, чтобы она была опознана восточнославянским читателем, или найти соответствие для греческого слова, к которому по той или иной причине непросто подобрать церковнославянский эквивалент. Именно в таких ситуациях употребляются русизмы в Ефремовской кормчей, Повести о Варлааме и Иоасафе и других памятниках I группы, а также в Студийском уставе. В переводах II группы, выполненных

восточнославянскими книжниками, русизмы распространяются на сферу отвлеченных понятий, названий действий и свойств, которые было бы нетрудно обозначить церковнославянскими синонимами: **боголишивыи** (ср. ц.-слав. **боѹи**), **вражьство** (ср. ц.-слав. **вражда**), **доѹма** (ср. ц.-слав. **сѣвѣтъ**), **крити** (ср. ц.-слав. **коупити**), **клѣчити** (ср. ц.-слав. **растачати**, **трошити** и др.), **клюдити** и **мѣлвити** (ср. ц.-слав. **рещи**, **вѣщати**), **лоупити** (ср. ц.-слав. **гравити**), **налѣсти** (ср. ц.-слав. **наити**), **почати** (ср. ц.-слав. **начати**), **противьнѣ** (ср. ц.-слав. **равьнѣ**) и т. п. Эти русизмы объясняются уже не просто ориентацией на древнерусского читателя, но прямым влиянием восточнославянского узуса.

Среди собственно восточнославянских переводов четко выделяются две подгруппы: Пчела и История Иудейской войны систематически расходятся с Александрией и Житием Андрея Юродивого, к которым иногда присоединяются Повесть об Акире. В Александрии, Житии Андрея Юродивого и Повести об Акире употребляется **гораздѣ** ‘умелый’, **противьнѣ** ‘равный, одинаковый’, **синьць** ‘негр; бес’, в Александрии и Житии Андрея Юродивого – **жьньчюгѣ** ‘жемчуг’, **клюдити** ‘говорить’, **надобѣ** ‘нужно’, в Житии Андрея Юродивого и Повести об Акире – **боголишивыи** ‘лишенный разума’, **недоужь** ‘немогущий, больной’, в Пчеле и Истории Иудейской войны – **вражьство** ‘вражда’, **доѹма** ‘совет’, **исклѣчити** ‘истратить’, **капѣ** мера веса, **ларѣ** ‘шкатулка, ларь’, **оли** ‘вплоть до’, **приискати** ‘найти’, **разноличьныи** ‘различный’, **страда** ‘работа’, **тѣсноѹтисѣ** ‘стараться; спешить’; кроме того, в Пчеле и Истории Иудейской войны частотны глаголы с приставкой **вы-** и глагольным суффиксом **-ыва-/-ива-**, **почати** ‘начать’ и производные, а в Александрии и Житии Андрея Юродивого – **дѣноѹ** / **дѣнѣ** ‘внутри’ и **около** ‘вокруг’. Все русизмы Пчелы и Истории Иудейской войны общеупотребительны в древнерусских текстах, а некоторые русизмы Александрии и Жития Андрея Юродивого – редки (**боголишивыи**, **клюдити**, в Житии также Андрея Юродивого **хритатисѣ** ‘насмехаться, позорить’), что хорошо согласуется с общим характером словоупотребления этих памятников (см. ниже). Таким образом, в двух подгруппах II группы, выделенных в результате предварительной группировки, представлен разный набор русизмов.

Подгруппы I группы также имеют свои характерные русизмы: только в памятниках подгруппы Хроники Георгия Амартола употребляются русизмы

гридь ‘воин’, **гритити** ‘нести военную службу’, **гридьствити** ‘дружба’. Только в Толковом Евангелии и Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова используется русизм **телѣга**, **телѣжныи**.

Переводы с еврейского также имеют общий набор русизмов: **дѣнѣшнии** ‘внутренний’, **просьба**, **оуне** ‘по поводу’; некоторые из этих слов (**просьба**) свойственны западным восточнославянским диалектам.

Совпадение распределения русизмов в памятниках с группировкой, осуществленной по другим параметрам, доказывает исконность лексических русизмов в древнерусских переводных текстах: если бы они стихийно вносились переписчиками, такое совпадение было бы невозможно.

В то же время существуют и довольно тонкие отличия в употреблении русизмов между отдельными памятниками, связанные с индивидуальными особенностями переводчиков. Например, в Житии Андрея Юродивого глагол **крити** выступает как синоним **коупити**, а в Истории Иудейской войны русизм **выкрити(сѧ)** появляется «вынужденно» – в связи с необходимостью передать специальное значение ‘освободить(ся) за мзду’, которое переводчик, по-видимому, затруднялся выразить каким-либо церковнославянским словом; причастие **оукрикныи** с этим же значением – ‘полученный за взятку’ – встречается в Ефремовской кормчей. Русизм **видокъ** ‘свидетель’ в ЖАЮ употребляется свободно, а в Истории Иудейской войны – только в сочетании с синонимом **послоухъ**, который широко представлен в церковнославянских текстах: **видоци и послоуци**.

Небольшое число русизмов – **вѣрста** мера длины, **кѣрста** ‘ларец; гроб’, **трьпастѣкъ** ‘обезьяна’ и **хвостъ** – распространено во всех группах памятников, что свидетельствует о наличии определенного лексического узуса: эти слова стали нормативными для русского извода церковнославянского языка. Среди них есть названия реалий. Их использование в каких-то случаях может объясняться неосвоенностью южнославянских синонимов: встречающиеся в текстах южнославянского происхождения названия обезьяны (**опица**, грецизм **пификъ**) и хвоста (**ошибъ**, **опашъ**), скорее всего, оставались неизвестными древнерусским читателям, а может быть, и древнерусским авторам, потому что не были частотными словами в южнославянской книжности. Название шкатулки **кѣрста** – так же, как и его синоним **ларь** – было необходимо для обозначения бытовых предметов, применительно к которым оно, вероятно,

представлялось более подходящим словом, чем церковнославянизм **КОВЬЧЕГЪ** / **КОВЬЧЕЖЬЦЪ**, ассоциировавшийся в первую очередь с ковчегом Завета (неслучайно именно замена слова **КОВЬЧЕЖЬЦЪ** на **ЛАРЬ** была осуществлена в Изборнике 1076 г.). Проникновение названия меры длины **ВЪРСТА** в переводные памятники, несмотря на наличие церковнославянизма **ПОПЪРИЦЕ**, было отчасти связано с необходимостью точно передать значение разных греческих терминов (**μίλιον, στάδιον**).

Очевидно, что авторы прибегали к русизмам, когда не находили церковнославянского слова для выражения определенных значений или их оттенков: этим обусловлено использование таких лексем, как **ЛАПЬ** ‘просто так’, **НЕЛАПЬ** ‘недаром, не зря’, **ВЫКРИТИ(СА)** ‘откупить(ся)’.

Однако среди общераспространенных русизмов имеются не только обозначения реалий или понятий, для которых было непросто подобрать церковнославянское название: во всех группах памятников используются наречия, образованные от компаративов с приставками **ВЪ-** и **ВЪЗ-** (**ВЪДАЛЕ** ‘длиной (с), в длину’, **ВЪГЛУБЛЕ** ‘глубиной (с), в глубину’, **ВЪТЪЛЦЕ** ‘толщиной (с), в толщину’, **ВЪЗВЫШЕ** ‘высотой (с), в высоту’ и т. п.), а также глаголы с выделительной приставкой **ВЫ-**. Использование региональной лексики такого рода объясняется исключительно воздействием восточнославянского узуса. Следовательно, можно говорить о том, что определенный круг специфически восточнославянской лексики в представлении древнерусских книжников считался приемлемым для церковнославянских текстов. Этот небольшой круг русизмов составлял своеобразие лексической нормы церковнославянского языка русского извода.

Следующие главы диссертации основаны на анализе переводов II группы (выполненных носителями восточнославянских диалектов) и Студийского устава, поскольку благодаря наличию баз данных материал этих текстов доступен в полном объеме. Данные переводов I группы привлекаются лишь в той мере, в какой они могут быть извлечены из изданий путем ручной выборки и словарей, и заведомо неполны.

В четвертой главе анализируются способы перевода ряда греческих слов (более 100) в восточнославянских переводах и Студийском уставе. Здесь рассматривается вопрос о наличии в Древней Руси переводческих школ. Этот вопрос до сих пор не мог быть поставлен из-за недостатка материала: чтобы

судить об особенностях переводов, нужно иметь в распоряжении греческо-славянские словари к памятникам. Для установления принадлежности перевода к той или иной школе необходимо обладать информацией о способах передачи одного и того же слова или выражения оригинала в разных славянских текстах. Благодаря появившимся в последнее время изданиям и электронным ресурсам для ряда памятников с восточнославянскими регионализмами такая информация стала доступна.

Основной итог, к которому подводит изложенный в четвертой главе материал, заключается в том, что переводы II группы по-разному передают одни и те же греческие лексемы. По способу передачи чаще всего Александрия и Житие Андрея Юродивого противостоят Пчеле и Истории Иудейской войны, а Студийский устав совпадает то с одной, то с другой из этих подгрупп.

Самое большое количество отличий в переводе приходится на долю расхождений между Александрией и Житием Андрея Юродивого, с одной стороны, и Пчелой и Историей Иудейской войны — с другой. Так, при переводе греч. ἀγαθός в Пчеле и Истории Иудейской войны использовался обычно эквивалент **благъ**, а в Александрии и Житии Андрея Юродивого — **добръ**. Эквивалентом греч. ἀνάγκη в Пчеле и Истории Иудейской войны как правило служат **ноүж(д)а**, **ноүжьныи**, **ноүжьно**, а в Александрии и Житии Андрея Юродивого — **вѣда**. Только в Пчеле и Истории Иудейской войны греч. ἀσεβής переводится как **беззаконикъ**, **беззаконьныи**, **беззаконьствовати**, **беззаконьникъ** (наряду с **нечьстикъ**, **нечьстивъ**), в Александрии и Житии Андрея Юродивого отмечены лишь распространенные соответствия **нечьстикъ**, **нечьстивъ**. Греч. ἄχρητος и ἄχρητος в Александрии и Житии Андрея Юродивого получают эквивалент **неключьнъ**, неизвестный Пчеле и Истории Иудейской войны, где чаще всего используется соответствие **непотребьнъ** / **непотребьныи**. Для передачи греч. βούλομαι только переводчики Александрии и Жития Андрея Юродивого используют глаголы (**по-**, **оү**)**мыслити**, никогда не прибегая к эквиваленту **велѣти**, зафиксированному в Студийском уставе, Пчеле и Истории Иудейской войны. Греч. γυνναίος только в Пчеле и Истории Иудейской войны имеет соответствия **оүдобьныи**, **оүдобикъ**, **оүдобъ**, только в Александрии и Житии Андрея Юродивого — соответствия **доблии**, **добле**. Характерными для Студийского устава, ЖАЮ и Александрии эквивалентами греч. δημιουργέω, δημιουργός являются образования от **творити** и **дѣ(га)ти**, **дѣлати**, для Пчелы и

Истории Иудейской войны — производные от **зѣдати**. При переводе обозначающих перемещение в пространстве греческих глаголов с приставками *δια-*, *παρ(α)-*, *προ-* в Александрии и Житии Андрея Юродивого преобладают **мино҃ти** и образования, сложенные с **мимо-**, в то время как в Пчеле и особенно Истории Иудейской войны чаще используются глаголы с **пре-** и другими приставками. В Александрии и Житии Андрея Юродивого, как в древнейших кирилло-мефодиевских памятниках, и даже строже, различаются греч. *ἐκπλήσσω*, *καταπλήσσω*, с одной стороны, и *θάμβος*, *ἐκθαμβέω* — с другой: *ἐκπλήσσω*, *καταπλήσσω* здесь переводится как **(по-, о҃)дивити(сѧ)**, а *θάμβος*, *(ἐκ)θαμβέω*, *θαμβικός* — как **о҃жасно҃тисѧ**, **о҃жасѣ**, **о҃жасѣвнѣ**; в Пчеле и Истории Иудейской войны для всех перечисленных греческих слов употребляются как **о҃жасно҃тисѧ**, **о҃жасѣ**, так и **дивитисѧ**. Число подобных примеров можно многократно увеличить.

К числу позиций, отличающих Александрию и Житие Андрея Юродивого от Пчелы и Истории Иудейской войны, должны быть отнесены также случаи, когда одна из подгрупп противостоит одному памятнику из другой подгруппы, в то время как во втором памятнике из этой подгруппы соответствующее слово не встречается (по крайней мере в рассматриваемом значении) или материал слишком скуден. В этих позициях важно единство одной из подгрупп, даже если единство второй подгруппы неочевидно. Признавая единство хотя бы одной из подгрупп главным критерием, можно усмотреть определенную противопоставленность двух подгрупп и там, где члены одной из двух подгрупп расходятся между собой, в то время как члены другой имеют общие эквиваленты. Если суммировать все перечисленные позиции, число расхождений между Александрией и Житием Андрея Юродивого, с одной стороны, и Пчелой и Историей Иудейской войны — с другой приблизится к 70.

Выделение двух пар восточнославянских памятников, по-разному переводящих одни и те же греческие слова, дает основание ответить на вопрос о существовании переводческих направлений в Древней Руси утвердительно. Пока трудно говорить о восточнославянских переводческих школах в полном смысле слова, подразумевая под этим понятием сознательную и организованную деятельность, обеспечивающую устойчивость и преемственность определенных переводческих решений. Слишком малочисленны памятники, которые могут претендовать на то, чтобы рассматриваться в качестве представителей той или иной восточнославянской

переводческой школы, а историко-культурные обстоятельства, в которых создавались эти памятники, остаются непроясненными.

Кроме того, нужно принять во внимание общий характер греческо-славянских соответствий в памятниках восточнославянской группы. Типичный признак переводческой школы — последовательная передача греческих лексем определенными славянскими эквивалентами, свойственная многим переводным памятникам южнославянского происхождения. Приведенные в диссертации данные показывают, что для древнерусских переводов, за исключением Студийского устава, не характерна тенденция к установлению однозначного соответствия между словом оригинала и перевода. Огромный масштаб переводческой деятельности у южных славян в IX-X вв. обеспечивался наличием влиятельных переводческих школ, вырабатывающих и передающих навыки подбора греческо-славянских эквивалентов. Переводческая деятельность Древней Руси имела несопоставимо более скромные размеры, и говорить о переводческих школах, подобных южнославянским, здесь не приходится. Переводческие решения древнерусских книжников в гораздо большей степени носят характер индивидуального выбора. Именно этим в первую очередь объясняется свободное отношение древнерусских переводчиков к оригиналу, отмечаемое всеми исследователями восточнославянской переводной письменности. Свобода древнерусских переводов выражается, в частности, в обилии синонимов для передачи одного и того же греческого слова: решение переводчика было в меньшей степени детерминировано принадлежностью к определенной традиции, чем у южнославянских книжников.

Тем не менее, даже если не говорить о переводческих школах в строгом смысле слова, можно утверждать, что определенные традиции перевода книжных текстов у восточных славян имелись. Как Александрия и Житие Андрея Юродивого, так и Пчела и История Иудейской войны обычно используют греческо-славянские эквиваленты, применявшиеся в древнейших южнославянских текстах. Если в южнославянской традиции употребляются разные синонимы для передачи того или иного греческого слова, каждая из двух подгрупп восточнославянских переводов выбирает из этого ряда синонимов свои, именно для нее характерные эквиваленты. Иногда при выборе эквивалента Пчела и История Иудейской войны оказываются ближе к южнославянским переводам, чем Александрия и Житие Андрея Юродивого: например, ἀναίσθησις в Пчеле и Истории Иудейской войны переводится

производными от **чю҃-** (**вещю҃вьствьнѣ**, **нѣ чю҃ти**, **нечю҃тиѣ**), как в Толковой Псалтыри и Триоди, а в Александрии и Житии Андрея Юродивого — как **везю҃мик**, чему нет аналогов в древнейших южнославянских переводах; основным соответствием $\delta\mu\lambda\acute{\epsilon}\omega$, $\delta\mu\lambda\acute{\iota}\alpha$ в Пчеле, Истории Иудейской войны и, по-видимому, Студийском уставе было **вѣсѣдовати**, **вѣсѣда**, как в Евангелии, Апостоле, Паримейнике, Синайском требнике, Толковой Псалтыри, Триоди, Изборнике 1076 г. и декабрьской служебной минее, — напротив, для Александрии и Жития Андрея Юродивого такой перевод является редкостью, здесь преобладают другие синонимы. Иногда Александрия и Житие Андрея Юродивого обнаруживают схождения с южнославянскими переводами и имеют аналоги в южнославянских переводах там, где у Пчелы и Истории Иудейской войны их нет: греческий артикль δ в Александрии и Житии Андрея Юродивого регулярно передается причастием от глагола **быти** (**сын**), как в Евангелии, Апостоле, Псалтыри, Паримейнике, Триоди и Книгах 12 малых пророков, в то время как в Пчеле и Истории Иудейской войны такой перевод почти не представлен; в Александрии и Житии Андрея Юродивого $\sigma\upsilon\nu\epsilon\sigma\iota\varsigma$, $\sigma\upsilon\nu\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$ переводятся существительным **разю҃мѣ** и производными от него, как в Евангелии, Апостоле, Псалтыри, Паримейнике, Синайском требнике, Триоди, декабрьской служебной минее, в то время как использование образований от корня **мо҃др-**, характерное для Истории Иудейской войны, при переводе указанных греческих слов в южнославянских памятниках не отмечено.

Заметна некоторая разница между двумя подгруппами в ориентации на южнославянские тексты: при переводе некоторых слов Александрия и Житие Андрея Юродивого не выходят за рамки лексикона древнейших старославянских памятников, в то время как Пчела и История Иудейской войны следуют практике более поздних переводов — Супрасльской рукописи, Изборника 1076 г., Толковой Псалтыри, Толкований на Книги 12 малых пророков, служебных миней. Так, в Александрии и Житии Андрея Юродивого $\epsilon\upsilon\chi\alpha\rho\iota\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega$, $\epsilon\upsilon\chi\alpha\rho\iota\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$ имеют только соответствие **благодѣть**, как в Апостоле и Синайском требнике, а в Пчеле и Истории Иудейской войны встречаются соответствия **благодарити**, **благодарениѣ**, как в Изборнике 1076 г. и декабрьской служебной минее. Выше упоминалось, что в Александрии и ЖАЮ сохраняется то же распределение славянских синонимов при передаче

ἐκλήσσω и (ἐκ)θαμβέω, что и в кирилло-мефодиевских переводах, а в Пчеле и Истории Иудейской войны оно нарушено.

Переводчики Александрии и Жития Андрея Юродивого реже употребляют большие ряды эквивалентов-синонимов; иногда они предпочитают один-единственный эквивалент при наличии синонимов в южнославянских текстах. В Пчеле и ИИВ репертуар эквивалентов-синонимов, в том числе не зафиксированных в древнейших южнославянских переводах, гораздо шире.

Характеризуя в общих чертах способы перевода греческой лексики в памятниках двух подгрупп, можно отметить, что Александрия и Житие Андрея Юродивого иногда отходят от стандартных для церковнославянской письменности способов перевода. Это отчасти связано с неосвоенностью некоторых церковнославянских лексем переводчиками Александрии и Жития Андрея Юродивого, о чем идет речь в следующей главе. Если же способ перевода в Александрии и Житии Андрея Юродивого имеет аналоги в переводческой практике южнославянских книжников, в этих памятниках проявляется сходство с древнейшими старославянскими произведениями. Ряды синонимов, употребляемых в Александрии и Житии Андрея Юродивого для передачи тех или иных греческих слов, относительно невелики.

Пчела и История Иудейской войны воспроизводят стандартные способы перевода, распространенные в южнославянской письменности, причем не только кирилло-мефодиевской эпохи, но и более позднего времени. В Пчеле и Истории Иудейской войны свободнее используются в качестве эквивалентов ряды синонимов, в том числе не зафиксированных в качестве эквивалентов соответствующих греческих слов в древнейших южнославянских переводах. Переводчики Пчелы и Истории Иудейской войны демонстрируют хорошее знакомство с разными южнославянскими переводческими традициями и готовность широко варьировать способы передачи одних и тех же греческих слов.

Систематическое сходство в передаче определенных греческих лексем между Александрией и Житием Андрея Юродивого, с одной стороны, и Пчелой и Историей Иудейской войны — с другой можно объяснить только принадлежностью каждой из двух подгрупп к общей переводческой традиции. Каждая традиция имеет устойчивые лексические предпочтения, влияющие на выбор эквивалентов. Это проявляется в использовании каждой подгруппой определенных лексем для передачи разных, но близких по значению греческих

слов: например, в Александрии и Житии Андрея Юродивого **дѣръзѣ** и производные употребляются при переводе как греч. *θράσος*, так и греч. *προλετής*, **дрюгын** – при передаче *ἄλλος* и *τις*, а **говѣти** переводит не только *εὐλαβέομαι*, но — в Житии Андрея Юродивого — также *αἰδέομαι*; в Пчеле и Истории Иудейской войны **рѣчь** является частотным эквивалентом как для *λόγος*, так и для *ῥήμα*, **всѣгда** — для *λόγος* и *ὁμιλέω*.

В этой же главе проводится анализ индивидуальных переводческих особенностей памятников II группы и Студийского устава. Он позволяет уверенно утверждать, что все пять переводов выполнены разными переводчиками. Индивидуальные особенности Жития Андрея Юродивого в передаче греческих слов настолько отличают его от более традиционной Александрии, что принадлежность двух памятников разным авторам не может вызывать сомнений. При этом именно Житию Андрея Юродивого в наибольшей степени присуща уже отмеченная характерная особенность подгруппы Александрия – Житие Андрея Юродивого, состоящая в воспроизведении переводческих моделей Евангелии и/или Псалтыри, в то время как индивидуальные особенности Александрии в большинстве своем, по видимому, отражают влияние восточнославянского узуса. Относительно подгруппы Пчела – История Иудейской войны также не может быть сомнений в том, что оба текста созданы разными переводчиками: об этом свидетельствует неточный перевод и семантическое калькирование некоторых греческих слов в Пчеле, в то время как в Истории Иудейской войны этих переводческих недочетов нет.

Кроме того, материал указывает на некоторые устойчивые индивидуальные лексические предпочтения памятников восточнославянской группы. Наиболее отчетливо они выражены у переводчиков Истории Иудейской войны и Жития Андрея Юродивого. История Иудейской войны выделяется пристрастием к глаголам **кликати** (= *βοάω*, *κράζω*) и **(оу)корити** / **оукорати** (= *βλασφημέω*, *ταπεινῶω*) и местоимению **всьь** (= *ἄλλος*, *ἕκαστος*), а Житие Андрея Юродивого – к прилагательному **лишенѣ** (= *ἄθλιος*, *ἐλεεινός*, *μάταιος*, *ταλαίπωρος*, *ταπεινός*) и существительному **отрокѣ** (= *νεανίας*, *οἰκέτης*), которое частотно также в Повести об Акире Премудром. Поскольку переводчики прибегают к своим излюбленным лексемам для перевода разных греческих слов, можно заключить, что определяющими в их работе были языковые факторы: они больше руководствовались своим лексическим узусом, нежели

задачей подбора определенных славянских эквивалентов для тех или иных греческих слов. Такое же свободное использование в соответствии с разными греческими словами славянских лексем, к которым переводчики обнаруживают явную склонность, отмечается и при описании лексических предпочтений отдельных подгрупп.

Индивидуальные переводческие решения Студийского устава имеют регулярные схождения с Ефремовской кормчей.

В случаях, когда определенные лексические предпочтения характерны для целой подгруппы, именно в Житии Андрея Юродивого и Истории Иудейской войны они проявляются наиболее ярко: так, активное употребление производных от корня **гроз-** свойственно Житию Андрея Юродивого и Александрии (= **θράσος**), но в Житии Андрея Юродивого они используются еще активнее, чем в Александрии (= **φρίκη, φοβερός, φουάττοιαι**). Производные от **шататиса** весьма характерны для Истории Иудейской войны и Пчелы (= **θράσος, φουάττοιαι**), но в Истории Иудейской войны они употребляются еще шире, чем в Пчеле (= **μαίνομαι, толμάω, προлетής**). В противостоянии двух подгрупп восточнославянской группы Житие Андрея Юродивого и История Иудейской войны располагаются на полюсах, в то время как Александрия и Пчела, как правило, занимают срединное положение. Впрочем, можно отметить и исключение: для Пчелы характерно широкое употребление глагола **чагати** (= **ἐκδέχομαι, προσδέχομαι, ὑπονοέω**) — эту черту отчасти разделяет и История Иудейской войны (= **ἐλπίς**), но в Пчеле она выражена ярче.

Ни один из переводов восточнославянской группы не обнаруживает сколько-нибудь систематического сходства с переводами подгруппы Хроники Георгия Амартола. Совпадения носят случайный характер или же имеют место лишь постольку, поскольку в переводах подгруппы Хроники Георгия Амартола сделан тот же выбор, что и в памятниках древнейшей южнославянской традиции. Материал показывает, что преобладающая зависимость в способах перевода от подгруппы Хроники Георгия Амартола отсутствует. Подгруппа Хроники Георгия Амартола могла оказать существенное влияние на восточнославянскую группу, однако её переводы повлияли на формирование переводческих навыков восточнославянских переводчиков не более, чем кирилло-мефодиевские или преславские переводы, а если говорить об Александрии и Житии Андрея Юродивого, то они в наибольшей степени

отражают воздействие переводческих моделей кирилло-мефодиевских памятников.

В целом восточнославянские переводы используют более или менее компилятивный набор греческо-славянских соответствий в силу того, что южнославянские тексты, на которые они ориентировались, принадлежали к разным традициям и довольно сильно различались по языковым параметрам. В восточнославянских переводах обнаруживаются соответствия, характерные и для кирилло-мефодиевских, и для восточноболгарских переводов, и для гимнографических текстов (миней, триодей), возникших, по-видимому, в западной Болгарии. Так, древнерусские переводчики употребляют синонимы **хытити** – **гравити** – **отати** для греч. ἀρπάζω, **дивитиса** – **оужасатиса** для греч. ἐκθαμβέω, **хранити** – **влюсти** для греч. φυλάσσω и т. п. (на первом месте кирилло-мефодиевский эквивалент, на втором – преславский, на третьем – характерный для гимнографических текстов, если он имеется). В древнерусских переводах часто наблюдается иное распределение славянских синонимов по отношению к греческим словам, нежели в южнославянских переводах: так, при переводе ἀεί – πάντοτε – διηνεκῆς, διηνεκῶς – διὰ παντός в Пчеле, Истории Иудейской войны и Житии Андрея Юродивого не соблюдается распределение, характерное для кирилло-мефодиевской традиции (ἀεί = **присно**, πάντοτε = **всегда**, διηνεκῆς, διηνεκῶς — διὰ παντός = **въиноу**), но Пчела и История Иудейской войны предпочитают во всех случаях **въиноу**, а Житие Андрея Юродивого – **всегда**. Восточнославянские переводы расходятся здесь и с Хроникой Георгия Амартола, где старое распределение еще просматривается, хотя **въиноу** употребляется при передаче всех греческих слов. Еще более своеобразную картину демонстрируют древнерусские переводы при передаче греч. βίος: в Пчеле вообще не используется эквивалент **жизнь**, в Житии Андрея Юродивого, напротив, он используется при переводе только этого слова, но не ζωή, хотя такое распределение не отмечено ни в одном южнославянском переводе (такое же распределение, как в Пчеле, отмечено только в Синайском требнике и, судя по всему, это совпадение нужно признать случайным).

Иногда восточнославянские переводы расходятся с древнейшими южнославянскими переводами — по крайней мере теми, которые доступны для сопоставления, — в отношении некоторых вариантов перевода. Так, при переводе греч. οὗν они отличаются высокой частотностью частицы **же** и

использованием союза **и**, чаще используют эквивалент **правьда** для передачи ἀλήθεια, не употребляют глагол **сънавьдѣти** для перевода φυλάσσω.

Во II группе, за исключением Студийского устава, не заметно ни тенденции к соблюдению распределения греческо-славянских соответствий, свойственного какой-либо старой традиции, ни тенденции к созданию новой системы соответствий, которая закрепляла бы те или иные эквиваленты за определенными греческими словами.

Вариативность в распределении славянских эквивалентов могла быть вызвана в частности тем, что освоение разных церковнославянизмов (к числу которых относится, например, **жизнь**) протекало по-разному. Относительно слабая освоенность церковнославянизма может проявляться в его суженном по сравнению с южнославянскими переводами употреблении – так, восточнославянские памятники употребляют **присно** только в соответствии с ἄει, в то время как в южнославянских текстах **присно** переводит и другие греческие синонимы. В некоторых случаях расхождения обусловлены диалектными различиями.

В **пятой главе** проводится анализ словоупотребления переводов II группы. К сожалению, сопоставление словников не всегда оказывается эффективным из-за того, что объем некоторых текстов — Повести об Акире (более 7200 словоформ), Чудес Николы (ок. 6900 словоформ) — очень невелик. Самые информативные данные получены для памятников большого объема: Истории Иудейской войны (ок. 90000 словоформ), Пчелы (более 46000 словоформ), Житии Андрея Юродивого (ок. 47000 словоформ), Александрии (более 23000 словоформ) и Студийского устава (22000 словоформ).

Еще одно ограничение на эффективность сопоставления лексиконов разных памятников накладывает их тематическая разнородность: предметы и понятия, которые многократно повторяются в одних произведениях, не фигурируют в других. Чтобы сопоставление оказалось успешным, в нем должны участвовать слова, наличие которых не зависит от тематики или жанра, т.е. слова, в некотором смысле обязательные для любого текста. Если определенное слово с такой семантикой или такой функцией в тексте отсутствует, то в нем обязательно должен присутствовать его синоним (или синонимы)¹. Речь в данной главе идет о выборе, о предпочтениях переводчика,

¹ При этом необходимо учитывать, что между синонимами могут существовать семантические или какие-то иные различия; в таком случае выбор того или иного слова детерминирован особенностями контекста, а не предпочтениями пишущего.

что предполагает наличие альтернативы, — иначе использование определенного слова окажется вынужденным и, следовательно, неинформативным для лингвистической характеристики текста. Для сопоставления целесообразно привлекать прежде всего лексику, частотную во всех жанровых и тематических разновидностях текстов. В то же время для характеристики памятника представляется важной не только частотная, но и редкая лексика: если слово вообще редко встречается в славянской письменности, даже единичная его фиксация в памятнике значима. Исходя из этих соображений был выделен перечень слов, имеющих дифференцирующую силу при анализе словоупотребления древнерусских переводных текстов.

Наиболее очевидный результат, вытекающий из анализа материала, состоит в отчетливом выделении двух подгрупп в рамках восточнославянской группы: к одной принадлежат Пчела и История Иудейской войны, к другой — Александрия и Житие Андрея Юродивого. Эти результаты подтверждают вывод, сделанный при анализе греко-славянских соответствий в памятниках восточнославянской группы. Хотя незначительный объем затрудняет полноценное сопоставление, можно утверждать, что в одну подгруппу с Житием Андрея Юродивого и Александрией должна быть включена Повесть об Акире Премудром. Таким образом, анализ словоупотребления позволил определить место в общей группировке Повести об Акире, оригинал которой неизвестен. К этой группе, часто присоединяются и Чудеса Николы, однако в ряде случаев Чудеса Николы оказываются на стороне Студийского устава, Пчелы и Истории Иудейской войны. Обычно полярную позицию в противопоставлении двух подгрупп занимают Житие Андрея Юродивого и История Иудейской войны: слова, наиболее частотные в Истории Иудейской войны, реже всего встречаются или совсем отсутствуют в Житии Андрея Юродивого, и наоборот. В Пчеле и Александрии противопоставленность двух подгрупп выражена менее отчетливо. Студийский устав не примыкает ни к одной из двух подгрупп, хотя в целом по словоупотреблению этот памятник ближе к Пчеле и Истории Иудейской войны.

Для Александрии, Жития Андрея Юродивого и Повести об Акире характерно синкретичное использование союзов. Союз **такъ**, наряду с другими функциями, играет роль основного союза причины в этих памятниках, что во многих случаях затрудняет однозначное понимание текста. В Житии Андрея Юродивого **такъ** покрывает также сферу употребления союза **акы**, который в

этом памятнике не употребляется. В Пчеле и Истории Иудейской войны придаточные предложения причины вводятся специализированными союзами, исключаящими двусмысленную интерпретацию придаточного предложения. В разнообразных функциях фигурирует в Александрии, Житии Андрея Юродивого и Повести об Акире союз **да**, часто неотличимый от побудительной частицы **да**; он не только выполняет функцию соединительного союза, но и вводит главное предложение при наличии придаточного, почти полностью вытесняя в Житии Андрея Юродивого союз **то**. В Пчеле и Истории Иудейской войны за **да** закреплена роль побудительной частицы, в главном предложении при наличии придаточного используется союз **то**, а роль соединительного союза **да** очень ограничена. В целом Пчела и История Иудейской войны используют более дифференцированную с функциональной точки зрения систему церковнославянских союзов, позволяющих точнее выражать семантику предикаций.

В Пчеле и Истории Иудейской войны свободнее используются ресурсы церковнославянского лексикона, в частности сложные слова и греческие заимствования.

При сопоставлении чаще всего обнаруживается ситуация, когда в Пчеле и Истории Иудейской войны представлена стандартная церковнославянская лексика, а в Александрии и Житии Андрея Юродивого она отсутствует или представлена единичными примерами (**вѣдрѣ**, **врачь**, **възможно**, **вънегда**, **въскоую**, **въсоук**, **ѣда**, **кълма**, **ѣтерѣ**, **желати**, **изволити**, **имъже**, **овѣ**, **отъвьсюдѣ**, **пакость**, **пища**, **равьн-**, **развѣ**, **разорити(сѧ)**, **ратьникѣ**, **рыдати**, **требовати**, гречизмы **аерѣ**, **ароматѣ**, **стоухити** и др., а также композиты с **благо-**, **добро-**, **зѣло-**, **мъного-**, **низѣ-**). Как правило, место этих слов в Александрии и Житии Андрея Юродивого занимают другие слова, также употребительные в церковнославянском; лишь изредка вместо обычного в церковнославянских памятниках слова употребляются русизмы (**лѣчыць** вместо **врачь**, **противьнии** вместо **равьнии**). Для Жития Андрея Юродивого список употребляющихся общераспространенных церковнославянизмов еще шире, чем для Александрии: к нему добавляются слова **акы**, **довѣлѣти**, **зѣло** (нет также в Чудесах Николы и Повести об Акире), **ибо**, **коупно**, **подовати** (нет также в Повести об Акире), **ради**. Разумеется, эта лексика была хорошо известна переводчикам – хотя бы потому, что она представлена в Евангелии и Псалтыри.

Ее отсутствие в активном употреблении объясняется специфическим представлением о лексической норме церковнославянского языка, которое – как показывают данные трех памятников – было присуще определенному кругу восточнославянских книжников. Они не стремились избегать книжных слов, но вместо одних церковнославянизмов употребляли другие, формируя свой лексикон, отличающийся от церковнославянского стандарта, однако остающийся в рамках церковнославянского словоупотребления.

Отказ от использования слов, которые принадлежат к числу самых частотных в церковнославянском языке, свидетельствует о восточнославянском происхождении переводчиков Александрии, Жития Андрея Юродивого и Повести об Акире, пожалуй, еще красноречивее, чем лексические русизмы: южнославянские тексты, в которых отсутствовал бы комплекс перечисленных лексем, не известны. Предположение о редактуре, которая по каким-то причинам и по какому-то необъяснимому совпадению устранила эти лексемы в Александрии, Житии Андрея Юродивого и Повести об Акире, выглядело бы совершенно невероятным.

Гораздо реже наблюдается ситуация, когда в Пчеле и Истории Иудейской войны отсутствуют или представлены единичными примерами слова, распространенные в церковнославянских текстах и активно используемые в Александрии и Житии Андрея Юродивого (**волѣзнь, година, ключьныи, кольми, оумьслити**). Нужно отметить, что степень распространенности этих слов в церковнославянском ниже, чем у тех, что отсутствуют в Александрии и Житии Андрея Юродивого. В случаях с **волєсть** и **замьслити**, которые употребляются в Пчеле и Истории Иудейской войны вместо **волѣзнь** и **оумьслити**, можно предположить непосредственное влияние восточнославянского узуса.

Расхождение между двумя подгруппами состоит еще и в том, что в Александрии и Житии Андрея Юродивого употребляются не характерные для Пчелы и Истории Иудейской войны слова, хотя и не очень широко распространенные, но всё же засвидетельствованные в церковнославянских текстах. К последним относятся как слова, хорошо известные древнерусским источникам (**донелѣже, клюка** ‘хитрость’, **обличик, обьль** ‘круглый’, **орудик** ‘дело’, **посивъ** ‘удобство, благоприятное обстоятельство’, **пъртъ**) и восточнославянским диалектам (**голѣ мъ** ‘большой’), так и слова, не зафиксированные в оригинальных древнерусских произведениях (**поздитиса,**

съкровьнѣ). Использование лексики такого рода особенно характерно для Жития Андрея Юродивого. Здесь мы находим лексемы, встречающиеся в преславских и более поздних церковнославянских памятниках и в русских диалектах: **блзѣ** ‘хорошо’, **б оуѣакъ** ‘лишенный разума’, **влодь** ‘волос’, **вѣроуѣтитисѧ** ‘упасть во что-л., сверзиться’, **скарѣдъ** ‘гнусный, мерзкий’ (однажды зафиксировано также в Пчеле), **оужасть**, а также лексемы (в том числе довольно редкие), отмеченные в церковнославянских текстах, но не известные восточнославянским диалектам: **дроуѣоци** ‘иногда’, **къдеже** ‘(там,) где’, **лишенъ** ‘несчастный’, **мѣножицею** ‘часто’, **напѣлнитисѧ** ‘преисполниться (чем-либо)’ – при непредметных объектах, **невѣгласъ** ‘невежда’, **нелѣжею** ‘поистине’, **нѣ** ‘может быть; как-то’, **обѧко** ‘однако’, **показнь** ‘наказание’, **поневаже** ‘с тех пор, как’, **понелѣ(же)** ‘после того, как; поскольку’. Ярким церковнославянизмом является союз **ѧко** в роли союза причины; о том, что этот союз играет роль стилистического маркера, свидетельствует его появление даже в соответствии с греч. ἕτεῖ или ἕτεῖδῆ, которые не переводятся союзом **ѧко** в южнославянских памятниках. Можно сказать, что Александрия и Житие Андрея Юродивого привержены церковнославянскому словоупотреблению не меньше, чем Пчела и История Иудейской войны, но в Пчеле и Истории Иудейской войны набор церковнославянских лексем включает больше стандартных общеупотребительных единиц, чем в Александрии и Житии Андрея Юродивого, в лексикон которых входит больше слов, имеющих ограниченное или даже узкое распространение в церковнославянском. Возможно, некоторые из них активно использовались в Александрии и Житии Андрея Юродивого потому, что были употребительны в диалектах, носителями которых являлись переводчики этих памятников. Обращает на себя внимание, что отдельные слова из их лексикона известны северным и северно-восточным русским диалектам (**блзѣ**, **голѣмъ**, **обличикѣ**, **вѣроуѣтитисѧ**, **ороуѣдикѣ**, **сѣвоуѣза**). Изредка в Пчеле и Истории Иудейской войны также наблюдается активизация нечастых в церковнославянском лексем, по-видимому, вызванная влиянием восточнославянского узуса (**голѣ**, **жалѣ**).

С точки зрения использования лексики, характерной для кирилло-мефодиевских памятников, прежде всего Евангелия и Псалтыри, принципиальной разницы между Александрией и Житием Андрея Юродивого,

с одной стороны, и Пчелой и Историей Иудейской войны — с другой не наблюдается, однако применительно к конкретным лексемам иногда обнаруживаются различия: в некоторых случаях в Александрии и Житии Андрея Юродивого отражено кирилло-мефодиевское словоупотребление, в Пчеле и Истории Иудейской войны — словоупотребление более поздних церковнославянских памятников, в других случаях Пчела и/или История Иудейской войны ближе к кирилло-мефодиевским памятникам.

Анализ словоупотребления подтверждает близость Студийского устава к Ефремовской кормчей. Хотя совпадения этих двух памятников не являются исключительными, представляется значимым, что в случаях, когда Студийский устав выделяется по словоупотреблению на фоне восточнославянских переводов, он всегда совпадает с Ефремовской кормчей.

Лексические предпочтения, описанные в пятой главе, показывают, что разница между подгруппами восточнославянской группы не сводится к выбору разных эквивалентов для одних и тех же греческих слов: она обусловлена прежде всего разным языковым узусом. Переводчики используют предпочтительные для них лексемы в соответствии с разными греческими словами; они демонстрируют приверженность определенному словоупотреблению и там, где выбор не может зависеть от греческого оригинала — например, в Пчеле и Истории Иудейской войны употребляется существительное **ратъникъ**, а в Александрии и Житии Андрея Юродивого — только субстантивированное прилагательное **ратънини**. Переводческие решения восточнославянских книжников опирались прежде всего на устоявшееся словоупотребление, а не на систему греческо-славянских соответствий; сам набор этих соответствий формировался под влиянием сложившегося лексического узуса.

В **шестой главе** рассматриваются грамматические особенности переводных текстов с лексическими русизмами. Анализ грамматических особенностей подтверждает и дополняет группировку, осуществленную выше по другим параметрам.

Переводы, содержащие южнославянизмы, отличаются от переводов, не содержащих южнославянизмов, формами дательного и местного падежей местоимений **чьто**, **ничьто**, **нѣчьто** от основы на **-ѣс-(-ьс-)** типа **чесоу²**,

² Христианская топография Козьмы Индикоплова на фоне остальных текстов подгруппы Хроники Георгия Амартола выделяется отсутствием форм от основы на **-ѣс-(-ьс-)** у местоимений **чьто**, **ничьто**, **нѣчьто** не только в дательном и местном падежах, но и в родительном, где употребляется восточнославянская форма **чѣго**.

последовательным употреблением приращения **-тъ** во 2-3 лице единственного числа аориста глаголов с безударным корнем. В Хронике Георгия Амартола и Христианской топографии Козьмы Индикоплова преобладают формы нетематического аориста типа **рѣхъ** (в Повести о Варлааме и Иоасафе тематические формы типа **рекохъ** употребляются наравне с нетематическими). Эти архаичные черты сближают памятники с южнославянизмами, в особенности подгруппу Хроники Георгия Амартола, с кирилло-мефодиевской традицией. Однако в них присутствуют и черты, характерные для преславской книжности и восточнославянских диалектов, – в частности форма 1 л. **вѣдѣ** ‘я знаю’, особенно частотная в Хронике Георгия Амартола.

Восточнославянские переводы по грамматическим признакам разделяются на те же две подгруппы, что и по лексическим и переводческим особенностям, с расположением на полюсах противопоставления Жития Андрея Юродивого и Истории Иудейской войны. К Александрии и Житию Андрея Юродивого примыкают Чудеса Николы. Общими чертами Александрии, Жития Андрея Юродивого и Чудес Николы является почти полное отсутствие приращения **-тъ** во 2-3 лице единственного числа аориста, употребление почти исключительно формы **вѣдѣ** в 1 л. ед. ч. глагола **вѣдѣти** и его производных и перифрастического прохибитива с вспомогательным глаголом **моци** (типа **не мози творити**). Это черты, свойственные в первую очередь восточнославянским и восточноболгарским диалектам. С другой стороны, в Житии Андрея Юродивого, Александрии и Чудесах Николы господствуют нетематические формы аориста типа **рѣхъ**, которые широко распространены в старейших оригинальных памятниках древнерусской письменности. Повесть об Акире в значительной степени разделяет с перечисленными памятниками отсутствие приращения в аористе, но совершенно не использует перифрастический прохибитив. В то же время Житие Андрея Юродивого, Александрия и Чудеса Николы сохраняют единство не по всем позициям: в Александрии и ЖАЮ перфект без связки – большая редкость, а в целевых и в особенности косвенно-побудительных придаточных активно используется сослагательное наклонение (**молю да бышьлѣ**), как в оригинальных древнерусских текстах, в то время как в Чудесах Николы и Повести об Акире бессвязочные формы перфекта употребляются наравне со связочными, а сослагательное наклонение в придаточных цели и косвенного побуждения появляется лишь в единичных случаях.

Как и по всем остальным параметрам, близки друг другу Пчела и История Иудейской войны, употребляющие в определенных случаях приращение в аористе 2-3 л. ед.ч. и формы типа **рекохъ** по образцу восточноболгарских текстов, форму **вѣмь** – по образцу кирилло-мефодиевских памятников, не знающие перифрастического прохибитива, часто использующие перфект без связки – как оригинальные древнерусские тексты – и допускающие сослагательное наклонение в целевых и в особенности косвенно-побудительных придаточных лишь в ограниченном масштабе. В Студийском уставе, Пчеле и Истории Иудейской войны перфектные формы могут соседствовать с аористными в ряду однородных сказуемых, чего не наблюдается в остальных восточнославянских переводах. Но между Пчелой и Историей Иудейской войны также существуют расхождения: в Пчеле преобладает форма род. пад. **чего**, в то время как в Истории Иудейской войны представлена исключительно форма **чесо**.

Расхождения между памятниками не только различающимися, но и близкими по основному набору параметров – Пчелой и Историей Иудейской войны, Александрией и Житием Андрея Юродивого – подтверждают, что все восточнославянские переводы выполнены разными переводчиками.

Студийский устав по некоторым параметрам сближается с переводами, содержащими южнославянизмы: здесь имеется форма **о чсомь**, перфект употребляется главным образом во 2 л. ед. ч. и почти всегда со связкой, в целевых и косвенно-побудительных придаточных предложениях фиксируются только конструкции с индикативом (**молю да идетъ**). В то же время по частотности новых форм аориста типа **рекохъ** Студийский устав стоит в одном ряду с Пчелой и Историей Иудейской войны.

Особенно ярко выделяется своими грамматическими особенностями Житие Андрея Юродивого. С одной стороны, памятник имеет уникальные схождения с древнейшими южнославянскими текстами: окончание **-тѣ** в двойственном числе 3-го лица аориста и имперфекта и окончание **-нимь** в тв. пад. ед. ч. существительных среднего рода. С другой стороны, в Житии Андрея Юродивого употребляются исключительно вторичные окончания в имперфекте 2-3 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. (типа **твораста**, в то время как в других восточнославянских переводах представлены формы типа **творашета**) и только восточнославянская форма род. пад. местоимения **чего**. Памятник замечателен

обилием аналитических образований, в числе которых перфект, перифрастический прохибитив, сослагательное наклонение в целевых и косвенно-побудительных придаточных предложениях, сочетания инфинитива с фазовым глаголом (в том числе в прошедших временах, типа **нача творити**). Большое количество аналитических форм характерно для древнерусских летописей и книжного языка. Сочетание черт, характерных для оригинальных восточнославянских текстов (род. пад. **чѣго**, перфект, сослагательное наклонение в целевых и косвенно-побудительных придаточных предложениях, сочетания инфинитива с фазовым глаголом) и для южнославянских памятников (окончание **-тѣ** в 3 л. дв. аориста и имперфекта, **-нимь** в тв. пад. ед. ч. существительных ср. р.), составляет совершенно своеобразную комбинацию и свидетельствует о том, что в восточнославянской книжности церковнославянская норма как в лексике, так и в грамматике не была единой: наряду с общераспространенным стандартом существовали её периферийные разновидности, одна из которых представлена в Житии Андрея Юродивого.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Главным итогом является воссоздание общей картины переводческой деятельности в Древней Руси. Она выглядит следующим образом.

Лишь очень небольшая часть текстов лишена специфически южнославянских элементов и может быть с уверенностью атрибутирована восточнославянским переводчикам. К этой группе относятся переводы Жития Василия Нового, Александрии, Жития Андрея Юродивого, Пчелы, Истории Иудейской войны, а также Повести об Акире Премудром и цикл из шести Чудес Николая Мирликийского – если два последних текста действительно представляют собой переводы, а не переработки переводных текстов. Все эти тексты отличаются хорошим пониманием оригинала, ясностью перевода, отсутствием буквализма и стремления к одно-однозначным греческо-славянским соответствиям.

Но даже эта маленькая группа памятников неоднородна: в ней отчетливо выделяются две подгруппы: с одной стороны – Александрия, Житие Андрея Юродивого и Повесть об Акире Премудром, с другой – Пчела и История Иудейской войны. Различие между двумя подгруппами проявляется как на уровне текста, так и на уровне языка и охватывает различные лингвистические параметры. Перевод Александрии и Жития Андрея Юродивого пословный, отклонения от порядка слов оригинала допускаются гораздо реже, чем в Пчеле

и Истории Иудейской войны, в которых грань между переводом и пересказом часто стирается. Переводчики Пчелы и Истории Иудейской войны систематически выбирают другие эквиваленты для передачи определенных греческих слов и выражений, нежели переводчики Александрии и Жития Андрея Юродивого. Словоупотребление Пчелы и Истории Иудейской войны отражает церковнославянский лексический стандарт, в то время как для Александрии, Жития Андрея Юродивого и Повести об Акире характерно употребление менее частотной, а иногда и редкой церковнославянской лексики. Переводчики Пчелы и Истории Иудейской войны охотно пользуются такими элементами книжного языка, как композиты и греческие заимствования; в Александрии и Житии Андрея Юродивого их применение довольно ограничено. Набор русизмов, употребляющихся в двух подгруппах, также неодинаков. Наконец, каждая из двух подгрупп имеет свои грамматические особенности. Эти расхождения свидетельствуют о том, что представление авторов славянских версий Александрии, Жития Андрея Юродивого и Повести об Акире о том, какие восточнославянские языковые элементы допустимы в церковнославянском тексте, отличались от соответствующих представлений переводчиков Пчелы и Истории Иудейской войны.

Выделение внутри восточнославянской группы двух подгрупп, различающихся на всех языковых уровнях, позволяет утверждать, что в Древней Руси существовали направления, которые вырабатывали свои переводческие навыки и устойчивые языковые предпочтения. Одна из этих групп – Пчела и История Иудейской войны – воспроизводит более стандартную разновидность церковнославянского языка, другая – Александрия, Житие Андрея Юродивого и Повесть об Акире – предпочитает менее распространенные, а иногда и очень редкие языковые средства.

Чудеса Николы и Житие Василия Нового занимают обособленное положение в группе восточнославянских переводов. Чудеса Николы близки Александрии и Житию Андрея Юродивого по своим грамматическим и некоторым лексическим особенностям, но по словоупотреблению иногда сближаются с Пчелой и Историей Иудейской войны. Что же касается Жития Василия Нового, то этот памятник пока не изучен настолько подробно, чтобы его можно было сопоставить с остальными текстами по всем выделенным параметрам. По предварительным данным он не имеет систематического сходства ни с одной из выделенных подгрупп.

Студийский устав отличается от остальных переводов этой группы буквализмом перевода, калькированием греческих синтаксических конструкций в ущерб ясности текста, стремлением к одно-однозначным соответствиям между словом оригинала и славянским эквивалентом. В переводческих приемах и словоупотреблении Студийского устава можно отметить сходство с Ефремовской кормчей. Однако количество южнославянизмов в этом памятнике очень мало, что сближает его с группой восточнославянских переводов.

Отличительной чертой восточнославянской группы и Студийского устава является наличие лексем, общих восточноболгарским и восточнославянским диалектам, которые отсутствовали в кирилло-мефодиевских текстах и были введены в церковнославянский язык преславскими книжниками. Наличие преславской лексики характерно для всех переводов, содержащих лексические русизмы, однако в разных группах текстов представлены разные восточноболгарские лексемы. Восточнославянские переводы охотно прибегают к тем свойственным преславской книжности словам, которые употреблялись и в восточнославянских диалектах. В переводах, содержащих южнославянизмы, представлены другие восточноболгарские лексемы, чуждые древнерусскому узусу. Разница в употреблении восточноболгарской лексики наблюдается и между разными переводами, содержащими южнославянизмы: подгруппа Хроники Георгия Амартола не знает слов **кычитиса, оплазньство, прѣзорьство**, усвоенных толковыми переводами и Житием Феодора Студита.

Подавляющее большинство переводов, содержащих восточнославянскую лексику, составляют памятники с сочетанием южнославянизмов и русизмов. По всей вероятности, они созданы носителями южнославянских диалектов. Иногда на участие южнославянского переводчика указывают графико-орфографические и/или грамматические особенности (Ефремовская кормчая, Хроника Георгия Амартола). В переводах ощущается приверженность южнославянским переводческим традициям: последовательная передача греческого слова определенным набором соответствий, пословный перевод, калькирование греческих синтаксических конструкций. Русизмы в них относятся по большей части к сфере реалий, а специфически восточнославянские служебные слова обычно отсутствуют. Тем не менее русизмы в этих переводах исконны, как свидетельствуют некоторые данные Ефремовской кормчей, Повести о Варлааме и Иоасафе, Жития Феодора Студита, Пролога (Синаксаря) и Пандект Никона Черногорца. Присутствие восточнославянской лексики указывает на то, что

южнославянские переводчики работали с учетом и под влиянием восточнославянского языкового узуса. Хотя исторические свидетельства в пользу гипотезы о деятельности южнославянских переводчиков в Киевской Руси отсутствуют, с историко-культурной точки зрения такое предположение кажется правдоподобным. Вопрос о том, принимали ли участие в этой работе древнерусские книжники, остается открытым: далеко не всегда можно определить, сделан ли перевод южнославянским или восточнославянским переводчиком; например, Студийский устав и Христианская топография Козьмы Индикоплова могли быть переведены восточнославянскими книжниками, усвоившими переводческие традиции южнославянских учителей.

Характерной чертой переводов, в которых восточнославянская лексика соседствует с южнославянской, является обилие ошибок в передаче греческого оригинала; иногда переводчики вовсе не справлялись со своей задачей (Огласительные поучения Феодора Студита). Синтаксис этих переводов темен, синтаксические конструкции часто нарушаются. По своему качеству переводы, содержащие южнославянизмы и русизмы, как правило, уступают как южнославянским переводам эпохи Первого Болгарского царства до греческого завоевания, так и восточнославянским переводам.

Известен случай перевода греческого текста на Руси греческим книжником: в первой половине XII в. Феодосий Грек перевел по заказу черниговского князя Святослава Давидовича Святоши Послание папы Льва I Флавиану, патриарху Константинополя, о ереси Евтихия и составил предисловие и послесловие к нему. Феодосий сопроводил Послание Льва своим собственным предисловием и послесловием. Перевод Феодосия практически не содержит русизмов. Перевод выполнен в буквалистической манере, сближающей его с переводами, содержащими русизмы и южнославянизмы, в нем встречаются лексемы, характерные для переводов этой группы. Предисловие к переводу содержит бесспорные южнославянизмы: послелог **цѣща** 'ради', **коварьство** 'искусство, умение', **изащнь** 'превосходный'. Текст Феодосия, по его собственным словам написанный для принявшего схиму черниговского князя, доказывает возможность создания на Руси переводов, содержащих южнославянизмы, и свидетельствует о том, что их могли выполнять и греческие книжники. Однако атрибутировать переводы I группы переводчикам-грекам мешают многочисленные ошибки в понимании греческого текста.

Некоторые из переводов этой группы могли быть выполнены в монастырях, населенных выходцами из южнославянских и восточнославянских земель, – например, на Афоне. Такое предположение выглядит убедительным по отношению к Пандектам Никона Черногорца. Однако ряд переводов, судя по всему, создавался непосредственно на Руси – такое допущение наиболее вероятно для подгруппы Хроники Георгия Амартола, поскольку раннее время перевода (не позже второй половины XI в.) и содержание Хроники делают маловероятным возникновение памятника в монашеской среде. В языковом отношении тексты подгруппы Хроники Георгия Амартола близки гимнографическим произведениям учеников Кирилла и Мефодия.

На рубеже XI–XII вв. также создавались переводы с греческого, в языке которых соседствуют южнославянизмы и русизмы: Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского и Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова. В эту же группу входят Толковый Апостол и, вероятно, Толкования на Песнь песней и Беседы на Шестоднев Севериана Гавальского. Между ними и подгруппой Хроники Георгия Амартола существует отдаленное языковое сходство, однако они не разделяют многих ярких особенностей подгруппы Хроники Георгия Амартола, в том числе тех, что сближают ее с древнейшей славянской гимнографией.

Проведенный анализ позволил в какой-то мере преодолеть «атомистический» взгляд на переводы, связанные с Древней Русью, и наметить группировку этих переводов. Выяснилось, что входящие в одну группу тексты имеют сходный набор русизмов. Таким образом, группировка переводов с восточнославянскими элементами в лексике дает ответ на вопрос, попадали ли лексические русизмы в эти тексты стихийно при переписывании. Если в памятниках с одинаковыми переводческими приемами, лексическими предпочтениями и грамматическими особенностями употребляются схожие русизмы, вероятность внесения этих русизмов в текст писцами практически приближается к нулю. Случайное попадание одних и тех же русизмов в тексты с близкими лингвистическими параметрами и их случайное отсутствие в других текстах, также связанных между собой общностью переводческих приемов и языковых особенностей представляется совершенно невероятным.

Если бы русизмы регулярно проникали в тексты при переписке на восточнославянской территории, их можно было бы обнаружить в любых текстах южнославянского происхождения. Между тем они фиксируются лишь в определенном кругу текстов, имеющих две взаимообусловленные особенности.

Одна из них – хронологическая приуроченность. В восточнославянских списках с памятников, созданных у южных славян в эпоху учеников Кирилла и Мефодия и Первого Болгарского царства, никогда не встречаются лексические русизмы. Они отсутствуют в Учительном Евангелии Константина Преславского, Толковой литургии Германа, Римском патерике, Паренесисе Ефрема Сирина, XIII Словах Григория Богослова, Изборнике 1073 г., Шестодневе и Богословии Иоанна Экзарха, Пандектах Антиоха, Хронике Малалы, Хронике Георгия Синкелла, Житии Саввы Освященного, Беседах Козьмы Пресвитера, Диалогах Псевдо-Кесария и многих других произведениях, несмотря на то, что они переписывались на Руси во множестве списков на протяжении веков. Ни один из памятников, содержащих лексические русизмы, не может быть сколько-нибудь уверенно датирован временем до византийского завоевания Первого Болгарского царства. Многие из них не имеют точной датировки, но если дата устанавливается в более или менее узком временном промежутке, она относится к более позднему периоду: Хроника Георгия Амартола переведена не ранее последней трети X в., Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского и Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Назианзина – на рубеже XI-XII вв., Пандекты Никона Черногорца – не ранее конца XI в. Таким образом, возникновение переводов с восточнославянскими элементами в лексике – по крайней мере датированных – совпадает по времени с эпохой, когда, с одной стороны, восточноболгарские книжные центры прекращают свою деятельность, а с другой стороны, зарождается книжность у восточных славян.

Вторая важная особенность переводов с лексическими русизмами состоит в том, что они или вовсе не содержат южнославянизмов, или содержат южнославянизмы, характерные для западных областей южнославянского ареала и не свойственные восточноболгарской книжности. Это обстоятельство хорошо согласуется с относительно поздней датировкой: после падения Преслава переводческая деятельность на Руси могла осуществляться, по-видимому, либо носителями западноболгарских книжных традиций, либо восточнославянскими книжниками. В то же время преславская лексика в них имеется, поскольку её усвоение началось очень рано. Своеобразие этих текстов состоит в том, что при наличии определенного преславского лексического слоя они в то же время сохраняют элементы, которые устранялись симеоновскими книжниками.

Наличие переводов, содержащих одновременно яркие русизмы и яркие южнославянизмы, стало камнем преткновения для славистов, изучавших

восточнославянские переводы в XX в. Сейчас можно утверждать, что такие переводы обычны для домонгольского периода. Конкретные обстоятельства их возникновения неизвестны. Можно констатировать только, что они возникли в эпоху востребованности церковнославянской книжности у восточных славян, сохранили ряд архаичных языковых особенностей, свойственных западноболгарской письменности, и, значительно уступая по качеству симеоновским переводам, усвоили в известной степени преславскую лексику – но не ту, которая была употребительна и в восточнославянских диалектах и потому активно использовалась в собственно древнерусских переводах.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

2. Предлог *къ* после глаголов движения при названиях городов в древнерусских оригинальных и переводных памятниках письменности // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 106-116.

3. Литературно-языковые и переводческие традиции в словоупотреблении церковнославянских памятников и русских летописей XI-XIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 147-170.

4. О функционировании греческих книжных заимствований в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 73-84.

5. К группировке древнейших переводов с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике // Труды Отдела древнерусской литературы. 2008. Т. 59. С. 18-35.

6. Древнерусский перевод "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия // Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 227-234.

7. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 475-488.

8. Библиейские цитаты в древнерусской "Пчеле" // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 71-105. (Соавт. И.М.Макеева).

9. Несколько редких древнеболгарских слов в древнейшем переводе "Повести о Варлааме и Иоасафе" // *Folia slavistica*. Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 104-109.
10. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2001. М., 2002. С. 232-249.
11. Лексические особенности древнерусских переводов с греческого XI-XIII вв. // *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы*. Материалы международной научной конференции (Москва, 8-10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 273-276.
12. Разделы I-IV и V.2 Предисловия к изданию: "История Иудейской войны" Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. I-II. М., 2004. Т. I. С. 7-39, 47-49.
13. К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2004-2005. М., 2006. С. 59-84.
14. Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение *-тъ/ -сть* в аористе // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*. М., 2006. С. 129-146.
15. Перифрастический прохибитив в древнерусском // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2008. С. 228-238.
16. Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // *Письменность, литература и фольклор славянских народов*. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 152-172.
17. Древнерусский перевод «Пчелы» // "Пчела": Древнерусский перевод. Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. Т. I-II. М., 2008. Т. I. С. 7-41.
18. О языковых особенностях славянских служебных миней // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* / Hrsg. D. Christians. D. Stern, V.S. Tomelleri. München; Berlin. 2009. С. 297-308.